

Burelom

Call Number: 2006 Folio S41

Creator: Afanasev, Leonid, b. 1864. Dmitriev, V. A. E rastov, G. P. Grossen, V. I. Gurvich, I. I. Ianov,
A. A. Nevskii, D. N. Trofimov, V. V. Turok, V. E. Veinberg, A. A. Vereshchagina, V. A

Date: 1905-1906

Publisher: G.P. E rastov

Subjects: Russian wit and humor.
Political satire, Russian.
Caricatures and cartoons.
Periodicals --Russia --Saint Petersburg
Russia --History --Revolution, 1905-1907

Genres: Illustrations
Drawings
Political cartoons

Description: Weekly.

Physical Description: 8 p.
col. ill.
34.5 cm.

Volume/Enumeration: No. 2 (4 dek. 1905) ; [novaia seriia]

Rights: More about permissions and copyright

We welcome any additional information you might have. If you know more about an image on our website or if you are the copyright owner and believe we have not properly attributed your work, please contact us.

Exhibition Note: Russian Graphic Art and the Revolution of 1905

Collection: Beinecke Library

Source Digital image/tiff

Format:

[A record for this resource appears in Orbis, the Yale University catalog](#)

[Beinecke Library Permissions and Copyright notice](#)

[Click here to begin looking at the images!](#)

№ 2.

Воскресенье, 4 Денабря 1905 г.

Цѣна 10 оп.

БУРЕЛОМЪ

Реданція: Спб., Невскій 1 2. Для личныхъ
объясненій открыта по средамъ и по-
недѣльникамъ отъ 6 до 8 ч. вечера.

Выходить еженедѣльно

Рукописи, доставленныя безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными. Мелкія статьи и стихо-
творенія не возвращаются. Исправленіе рукописей
по усмотрѣнію редакціи.

Гр. Игнатьевъ: „Мнѣ скучно, мнѣ грустно, мнѣ некому
голову спать.
Въ минуты тѣсной „свободы“
О, Боги! не вѣчно-жъ я буду напрасно мечтать:
Вѣдь годы проходятъ, всѣ лучшіе годы!“

Какъ Иванъ-Дуракъ спасъ село голодное.

(Сказка).

Собирались мужички—
Мужички—не дурачки...
Стали думать: какъ имъ быть,
Гдѣ бы хлѣбушка добыть:
Нѣту сѣна, вышла рожь,
И на скотъ пошелъ падежъ...
Надо сѣять—нѣтъ овса...
Зарастаетъ полоса...
Горевали мужички—

Мужички—не дурачки...
— «Вонъ теперь у нашихъ баръ
«Отъ муки трещитъ амбаръ,
«И мякины, и овса!
«Тѣфу! Ихъ лѣшій забодай!!
«Эхъ, тѣлѣга пропадай,
«Всѣ четыре колеса!
* * *

Судятъ эдакъ, судятъ такъ...
Молвилъ вдругъ Иванъ-Дуракъ:
— «Я вамъ въ горѣ помогу,
«Лишь объ этомъ ни гу-гу!»
Засмѣялись мужички—
Мужички—не дурачки...
Утромъ рано нашъ Иванъ,

Взявъ дырявый свой кафтанъ,
Ворону впредъ въ соху...
— «Ванька, дурень! Быть грѣху!»—
Говорили мужички—
Молодежь и старички...
* * *

Ванька съ пѣсней лихой
Скачетъ по полю съ сохой...
Въ полдень онъ на вороной
Вновь явился—съ бороной...
Всѣ хихикаютъ въ кулакъ:
— «Что-жъ посѣтъ нашъ дуракъ?»
Ванька лобъ перекрестилъ,
Въ шапку пальцы запустилъ,
Началъ кукиши кидать,

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Неизданныя новеллы Боккачю.

Подъ редакціей Романа Добраго.
Новела II.

О губернаторахъ вообще и о Дольче Ромпа-Дур'а въ особен- ности.

Дамы и кавалеры много смѣялись пред-
ыдущей новеллѣ о чудесахъ радге Джованни.
Королева была довольна, но немного
смущена.

— Кому сегодня развлекать насъ? —
спросила она.

— Мнѣ, ваше величество!

— Отлично, но я попросила - бы васъ
быть чуть-чуть поскромнѣе, а то я опасуюсь
за цѣломудріе моихъ дамъ, въ особенности
кавалеровъ, — съ очаровательной улыбкой
проговорила королева.

— Хорошо, ваше величество. Сегодня я
разскажу вамъ о губернаторахъ вообще и о
Дольче Ромпа Дур'а въ особенности.

...Ко всѣмъ бѣдамъ и напастямъ, шимъ,
вдругъ, неизвѣстно отчего обрушившимся
на головы благочестивыхъ жителей нашей
страны: трусу, гладу, мору, — прибавилась
новая бѣда. Эта бѣда заключалась въ огром-
номъ количествѣ губернаторовъ, налетѣв-

шихъ, словно туча прожорливой саранчи. О
происхожденіи и массовомъ появленіи этихъ
двуногихъ насѣкомыхъ народу стало допод-
линно извѣстно слѣдующее. Владѣтельные
принципе страны (не къ ночи будь помянуто
ихъ имя) — стали замѣчать въ числѣ своихъ
придворныхъ массу бездѣльниковъ, плутовъ,
дураковъ, лихоимцевъ. Что дѣлать? Какъ
избавиться отъ нихъ, куда ихъ дѣвать? За-
сидитъ въ тюрьму? Мѣста для всѣхъ не
хватитъ, да кромѣ того они могли испор-
тить нравственность преступниковъ. Думали-
думали принципе и рѣшили:

— Будемъ назначать ихъ губернаторами
различныхъ нашихъ владѣній. Съ тѣхъ поръ,
дѣйствительно, кто бы ни проворовался, ни
обнаружилъ особую глупость, — сейчасъ же,
въ наказаніе, дѣлался — губернаторомъ.

То же случилось и съ Дольче Ромпа-
Дур'омъ. „Dolce“, собственно, было не имя
его, а прозвище, данное ему въ насмѣшку
за его свирѣпость. Онъ былъ горекъ, какъ
полынь, но хотѣлъ казаться сладкимъ, какъ
сахаръ.

Онъ чѣмъ-то провинился передъ своимъ
принципе и тотъ немедленно послалъ его
въ Пизу. *). Такъ какъ онъ провинился осо-
бенно, то и губернаторомъ онъ былъ назна-
ченъ тоже особеннымъ.

Взбѣшенный, точно быкъ, увидѣвшій крас-
ный цвѣтъ, явился въ Пизу сладкій Ромпа-Дур-а.

*) Пиза — итальянскій городъ.

— Перепороть все населеніе! Всѣхъ
избить! — загремѣлъ онъ.

— Почему? — спросилъ обыкновенный
губернаторъ.

— Почему ни поपालо! — отрѣзалъ особо-
секретный „сладкій“ Ромпа Дур-а
Взвыли горемычные пизане, послали слез-
ную эпистолю къ ближайшему къ принципѣ
придворному: нельзя ли, молъ, убрать отъ
нихъ „сладкаго“ Ромпа Дур'а? не нуженъ
онъ имъ...

И получили въ отвѣтъ:

— Онъ и намъ не нуженъ.

Призадумались пизане: кому - же тогда
онъ нуженъ, этотъ губернаторъ? Если при-
нципе не нуженъ, то пизанамъ, ужъ и подавно!
Пизане стали зорко слѣдить за всѣми
проявленіями характера своего злокознен-
наго губернатора, стараясь подмѣтить хоть
какую-нибудь отличительную особенность
его, на которой онъ могъ бы попасться,
какъ рыба на ржавый крючекъ. Но, увы!
„сладкій“ Ромпа Дур-а буквально ничѣмъ
не отличался отъ всѣхъ предыдущихъ и
повсемѣстныхъ губернаторовъ: онъ былъ
также глупъ, заносчивъ, чванливъ и, глав-
ное, также жестокъ.

— Во имя моего доблестнаго принципе, —
разъ! два! три! — то и дѣло отдавалъ онъ
приказъ.

Наивные пизане совсѣмъ потеряли го-
лову.

— Какая сила можетъ избавить Пизу

И смѣяться, и рыдать...
Ванькѣ дали тумака
И связали Дурака...

Годъ прошелъ, тяжелый годъ...
Объѣдѣлъ совсѣмъ народъ:
Нѣту сѣна, вышла рожь,
И на скотъ опять падежъ...
Надо сѣять,—нѣтъ овса...
Зарастаетъ полоса...

Вотъ, однажды мужичекъ—
Мужичекъ—не дурачекъ,
Съ перепугу поднялъ крикъ...
Все село сбѣжалось въ мигъ.
— «Братцы! Диво! Не могу!!

«У Ивана на пугу
«Все большіе кулаки
«На подобіе руки
«Кверху лѣзутъ изъ земли!!
— «Брось, Емеля, не мели!»
Сталь божиться мужичекъ—
Мужичекъ—ужъ старичекъ...
Любопытство подвело:
Побѣжало все село.
— «Диво! Вѣрно—кулаки!!»
Волновались мужики...
Ванька-дурень гоготалъ,
Надъ испугомъ хохоталъ:
— «Охъ, уму! Ой-ой, не въ мочь!
«Я хотѣлъ селу помочь!
«Если надо овсеца,
«Ржицы, проса и сѣнца,—
«Такъ бери себѣ кулаки!»—
Говорилъ Иванъ-Дуракъ...
* * *
Почесались мужики,
И взялись за кулаки...

В. Трофимовъ.

Встаетъ изъ могилы фонтъ Плеве.
На немъ сверхъ мундира пальто
И кипа доносовъ въ портфель.
Въ разбитой каретѣ своей
Онъ медленно ѣдетъ по фронту
И Сахаровъ ѣдетъ за нимъ,
Сипягинъ, Эсъ-А, Боголѣповъ...
И черныя сотни вождя
Восторженнымъ кликомъ встрѣчаютъ,
И съ музыкой мимо него
Проходятъ полки хулигановъ.
И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ
И Трепову на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ.
«Реакція»—вотъ ихъ пароль
И лозунгъ—«Святая Нагайка».
Такъ часто къ колоннамъ своимъ
На смотр генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ полусгнившій фонтъ-Плеве.

Перевелъ за Жуковскаго

И. Гурвичъ.

Ночной смотръ.

(Съ нѣмецкаго).

Въ двѣнадцать часовъ по началу
Изъ гроба встаетъ провакаторъ
И ходитъ онъ взадъ и впередъ
На мѣстѣ удачнаго взрыва,
И рѣзкою трелью свистка
Лихую опричнину будитъ.
Встаютъ молодцы-палачи,
Жандармы встаютъ и шпіоны.
Встаютъ съ петербургскихъ торцовъ,
Съ роскошныхъ парковыхъ пріемныхъ,
Съ асфальтовыхъ улицъ Москвы
И съ лѣстницъ финляндскаго сейма.
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ

Изъ альбома

запѣваго иностранца.

По спискамъ храбрыхъ кавалеровъ
Есть Алексѣевъ адмиралъ;
Хотя онъ доблести примѣровъ
Въ войнѣ японской не являлъ,
Но третьей степенью увѣшанъ,
И справедливо награжденъ,—
Въ Россіи есть такой законъ:
«Тѣхъ чтить, кто долженъ быть повѣшанъ!»
Забрало.

отъ этого тирана?.. — въ ужасѣ шептали они.

А Ромпра Dura блаженствовалъ и на спинахъ горожанъ вымещалъ злобу за свою губернаторскую ссылку.

Дабы пизане не могли сноситься съ жителями другихъ городовъ, Ромпра Dura объявилъ Пизу въ осадномъ положеніи, хотя никакой войны, никакихъ враговъ не было.

Надъ Пизой всходила кровавая губерна-горская заря.

Повсюду шныряли Ромпра Dur'skie шпіоны-слуги, насилловавшие женщинъ, грабившіе имущество горожанъ, кричавшіе:

— Этого хочеть принцпе и нашъ добрый, сладкій Ромпра Dura!

Несмотря на трудность дороги въ Пизу, куда пробралась изъ другой мѣстности одна отважная, великолѣпная женщина.

О, какъ она была красива, эта женщина! Лицо ея, скорбное, негодущее, было полно чарующей прелести, и какая-то высокая, свѣтлая мысль горѣла въ ея дивныхъ глазахъ...

Въ красномъ плащѣ, гордая, величавая она, одолевъ тысячу преградъ, вошла въ Пизу.

— Рабы! — бурно заговорила она пизанамъ.—Вы, храбрые, вы—толкующие о свободѣ, вы терпите постыднѣйшій гнетъ! И не стыдно вамъ? Неужели среди васъ не нашелся никто, кто-бы сумѣлъ отплатить Ромпра Dur'у за всѣ его оскорбленія? Такъ знайте-же, это сдѣлаю—я!

Чудно хороша она была въ эту минуту!

Ея глаза горѣли нестерпимымъ блескомъ и распахнувшійся красный плащъ обнажалъ прелестную фигуру съ гордо вздымавшейся грудью.

— О, благодатная!—вскричали пизане,—наврядъ-ли тебѣ удастся усмирить дику необузданность проклятаго губернатора!

Несмотря на свою сладость, — онъ не таитъ передъ женской красотой...

Таинственная женщина въ красномъ плащѣ усмѣхнулась:

— Есть у меня, трусливые пизане, особая сила, особая чары. И страшны, и хороши эти чары. Всю душу страданій народа вложила я въ нихъ оттого онѣ непобѣдимы. Не тѣломъ своимъ, какъ блудница, завоюю я вамъ свободу, а обаяніемъ и пламенемъ моихъ глазъ. Ведите меня къ Ромпра Dur'y!

Ее повели, эту красивую, гордую женщину, какъ добровольную жертву закланія.

Ромпра Dura обдумывалъ новыя пытки для пизанъ. И когда предъ нимъ предстала ослѣпительно-красивая женщина въ пурпурномъ плащѣ, онъ задрожалъ. Онъ и страшился, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовалъ, что эта женщина его побѣдитъ.

— Кто ты?—закричалъ онъ.—Ты такъ красива, но такъ страшна... Отчего на тебѣ этотъ красный плащъ?

— Этотъ плащъ былъ бѣлый сначала, о великолѣпный Ромпра Dura, но онъ упалъ въ тѣ потоки крови, которые ты и тебѣ подобные губернаторы пролили на

всѣхъ площадяхъ и дорогахъ!

И она все ближе и ближе стала подходить къ всеильному повелителю Пизы.

— Santa Maria! что тебѣ нужно отъ меня?—закричалъ ужаснувшійся Ромпра Dura.—Я служу моему принцпе и во имя его проливаю кровь...

— Ласкать тебя... и заласкать тебя моими ласками—прерывистымъ голосомъ заговорила женщина.—Смотри, я снимаю плащъ! Хороша я? И я буду цѣловать тебя, сладкаго, до тѣхъ поръ, пока ты не растаешь!

И она бросилась на него и стала покрывать его своими пламенными поцѣлуями. Одинъ... другой...

Сладкій Ромпра Dura началъ таять.

— О, если бы я зналъ прежде твою силу... я служилъ бы только тебѣ, очаровательная женщина... лепеталъ онъ, подъ ея огненными поцѣлуями.

— Хорошо тебѣ, о всеильный?

Отвѣта не было...

Пятый поцѣлуй... и страшный Ромпра Dura растаялъ.

Лужа липкой жидкости осталась вмѣстѣ всеильнаго губернатора.

Такъ была освобождена Пиза, а въ благодарной памяти народа и по наши дни сохранился чарующій обликъ женщины-освободительницы въ красномъ плащѣ.

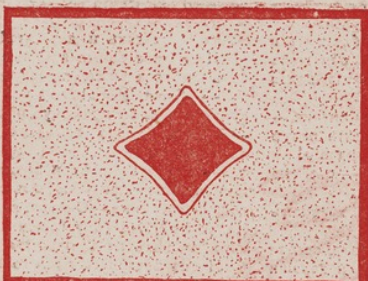
(Слѣдующая новелла въ № 3).

Когда придет часъ твоѣй участи,
Особенно лиховой участи,
Ты жди несчастья и будь
И всякой злой своей участи.

Въ гаданьи ворны изъ чѣвъ злого
Въ чѣвъ не предложенья злого:
Королю бужь-кѣвъ всѣхъ патроновъ
Пречепрѣтѣчій патромъ.

Милый турбубузовый
Силой манифеста
Изъ холодовъ
Недлинная мѣста.

На чердакъ.

Перебравъ на чердакъ,
Я скучалъ немножко,
Но случится-жъ надо такъ,
Что мое окошко
Выходило въ плацъ-парадъ..
Слышалъ разъ по двѣсти:
—«Шагъ впередъ! Маршъ! Пять назадъ!»
Двадцать два на мѣстѣ!

* * *

Я мечталъ: вотъ дожилъ я
До желанной эры;
Ярко вспыхнула заря
Для свободной вѣры..
Заживутъ, какъ съ братомъ брать,
На Руси всѣ вмѣстѣ..
—«Шагъ впередъ! Маршъ! Пять назадъ!»
Двадцать два на мѣстѣ!

* * *

Всколыхнулась печать:
Ей дана свобода;
Смѣло можно обличать
Всѣхъ враговъ народа,
Говорить не наугадъ,
Правду и безъ лести..
—«Шагъ впередъ! Маршъ! Пять назадъ!»
Двадцать два на мѣстѣ!

Трофимовъ.

„Образок“

Красный фонарь.

(Письм неумирающихъ бюрократовъ.)

Смутю окутало землю родную,
Банкъ государственный бѣденъ—какъ грекъ,
Врагъ одесную стоитъ и ошую...
Вскую вы насъ искушаете? Вскую?!
Вотъ—на четыре свободы вамъ чекъ!..
Что унывать намъ?.. И нынѣ и присно—
Вѣрьте,—все будетъ, какъ встарь!
Красное знамя для насъ ненавистно,—
Вывѣсимъ красный фонарь!..

Нѣтъ обольстительнѣй этой эмблемы—
Древней эмблемы свободной любви,
Многимъ пѣвцамъ навѣвавшей поэмы!..
Всѣ продаемъ по сходной цѣнѣ мы—
Вѣрны девизу: «Держи и лови!»
Что унывать намъ?.. и т. д.

Трудно-ль во мракѣ сманить отъ пенатовъ
Намъ правового порядка друзей,
Либерализма облѣзлыхъ кастратовъ,
Падкихъ на красное все демократовъ,
Конституционныхъ началъ звонарей?!
Что унывать намъ?.. и т. д.

Что намъ всѣхъ партій российскихъ плат-
формы!

Смѣло сойти мы готовы за дѣвѣ!..
Наши роскошныя зрѣлыя формы
Будятъ восторгъ, выходящій изъ нормы;
Ласки погасятъ стыдъ, совѣсть и гнѣвъ...
Что унывать намъ?.. и т. д.

Будетъ слѣть нашъ кабинетъ «пансіономъ»
(Только безъ древнихъ, увъ, языковъ),
Витте—«мамашей» хозяйничать въ ономъ,
«Братцами» звать примирительнымъ тономъ,
Правыхъ и лѣвыхъ, друзей и враговъ...
Что унывать намъ?.. и т. д.

Мало насъ?! Полноте, полноте! Что вы?!
Носъ генераль-адъютантамъ утремъ!
Есть и Ламздорфы у насъ, и Шиповы,
И Немѣшаевы, и Брилевы,
Въ грязь Дурново не ударить лицомъ!..
Что унывать намъ?.. и т. д.

Ласки, проекты, напитки, восторги
И обѣщаній шипучій потокъ...
Каждый—за храбрость заслужимъ «георгій»;
Миръ удивимъ мы свободой оргій,—
Въ нихъ превзойдемъ даже Дальній Во-
стокъ...

Что унывать намъ?.. и т. д.

Намъ-ли смущаться, что—въ праведномъ
гнѣвъ—
Дерзкій рабочій народъ намъ грозитъ!

Развѣ уступимъ въ безстыдствѣ мы дѣвѣ?!
Самъ Вячеславъ Константиновичъ фонъ-Плеве
Намъ изъ загробнаго царства кадитъ!..
Что унывать намъ?.. и т. д.

Какъ усмирять бунтарей-санкюлотовъ,
Треповъ-Малюта завѣтъ свой даль намъ...
Мало-ль у насъ казаковъ-патріотовъ?!
Если не хватитъ у насъ пулеметовъ,
Черныя сотни пошлемъ по домамъ!..
Что унывать намъ?.. и т. д.

Нуте жъ, дружныя запоемъ всѣ разомъ:
«Боже, своихъ бюрократовъ храни!
Боже, зати всѣхъ людей честныхъ разумъ!..
Да не моргнемъ мы предъ ними и глазомъ»
Въ наши свободолобивые дни!..
«Что унывать намъ?.. И нынѣ, и присно,—
Вѣрьте,—все будетъ, какъ встарь!
Красное знамя для насъ ненавистно,—
Вывѣсимъ красный фонарь!»

Евстигней Нагайкинъ.

Къ народу!

Сверкнулъ свободной лучъ денницы,
Народъ къ сознанью пробудилъ...

Пальба... Рѣзня... Полны темницы
И безконеченъ рядъ могилъ.

Отъ захолустя до столицы
Могучій крикъ бойцовъ летѣлъ...

Пальба... Рѣзня... Полны больницы
Полуживыхъ разбитыхъ тѣлъ...

Впередъ за правду безъ боязни!
Впередъ, народъ, ты побѣдилъ!
Тебѣ не страшнъ призракъ казни
И безконечный рядъ могилъ!

В. Т.—овъ.

Брызги дня.

(Изъ всероссийской эпопеи).

I.

Онъ регрессу не мѣшаетъ;
Потому и тамъ, и тутъ
Всѣ его—какъ подбираетъ
Немѣшаевымъ зовутъ.

II.

«Есть свободная наличность!..
Счастливъ, веселъ и здоровъ
Въ кладовую банка входитъ
Милый Ваничка Шиповъ.

Передъ нимъ—мѣшки рядами,
Словно бодрый строй полковъ...
— «Развязать!..»—самодовольно
Молвить Ваничка Шиповъ.
Развязали... «Что-жъ въ нихъ только
Груды мѣдныхъ пятаковъ?!..
Хмуришь брови, изумляясь,
Храбрый Ваничка Шиповъ.

— «Вся свободная наличность!..
Злой отвѣтъ ему готовъ.
«Было жъ золото!..» — «Да сплыло!..
Бѣдный Ваничка Шиповъ!..»

III.

«Н-недурно!»—крякнулъ Дурново,
Садясь на тронъ министра:
«Карьеру, такъ сказать, тово...
Я сдѣлалъ очень быстро!
Изъ полицейскихъ да—сюда...
Какъ мудръ великій Виттелъ..
Народъ свободы ждетъ... Н-ну, да!..
Дать всѣмъ имъ aquae vitae!..
— «А конституція?!»

— «Согнемъ

Ее мы въ рогъ бараній
И Русью править такъ начнемъ,
Что даже за-посятъ заткнемъ!
Быль плевескихъ преданий!..
Да, недурень Пьеръ Дурново
И въ милости, и въ гнѣвѣ!
Боясь я, какъ бы съ нимъ—тово
Не сдѣлали, какъ съ Плеве!..

Внукъ своего дѣда.

Въ учебномъ мѣрѣ.

На собраніи союза родителей и преподавателей средней школы прочитано было, между прочимъ, заявленіе институтокъ Ксеининскаго Института, требующихъ реформъ въ этомъ учебномъ заведеніи, и въ числѣ таковыхъ реформъ — измѣненій въ покроѣ институтскаго платья, въ особенности же отмены предосудительнаго съ нравственной стороны правила, чтобы институтки, носящія въ обыкновенное время пелерины, снимали таковыя и являлись въ деколете во время посѣщенія Института Главноуправляющимъ Вѣдомства, графомъ Протасовымъ-Бахметьевымъ (73 лѣтъ).

По слухамъ, предполагено требованія институтокъ исполнить и отъ обязательнаго деколете ихъ освободить; въ видахъ же огражденія интересовъ г. Главноуправляющаго,—обязать начальницу института, а также всѣхъ классныхъ дамъ являться во время его посѣщенія декольтированными и безъ пелеринъ.

Сообщилъ Кунцъ фонъ деръ Ровенъ.

Два жандарма.

(По Гейне. Музыка Шумана).

Съ Морской два дожурныхъ жандарма
На Мойку устало брели
И оба душой приуныли
Завидѣвъ Казанскій вдали,
Померкла старинная слава
Донцовъ, разудалыхъ ребятъ.
Гдѣ бойко свистали нагайки,
Тамъ красные флаги шумятъ.
Любуясь печальной картиной,
Одинъ изъ нихъ вымолвилъ: «Братъ,
Разжался кулакъ мой безсильный,
Усталая мышца болятъ».
Другой отвѣчаетъ: «Товарищъ,
И мнѣ бы въ отставку пора,
Довольно грѣховъ накопилось,
На совѣсти, словно гора!
Да что, наплевать мнѣ на совѣсти!
Я съ твердостью встрѣчу судьбу,
Иная на сердцѣ забота—
Что вылетѣлъ Треповъ въ трубу!
Исполни завѣтъ мой, коль здѣсь я
Окончу жандармскіе дни:
Возьми мое тѣло, товарищъ,
Въ охранное, тамъ скорони.
Ты киверъ съ султаномъ жандармскимъ
Надвинешь мнѣ крѣпко на носъ,
Нагайкой меня опояшешь
И всунешь мнѣ въ руки доносъ.
И смирно, и чутко я буду
Лежать, какъ въ засадѣ, въ гробу.
Заслышу я топотъ казачій
И гвардіи храброй палубу.
То Треповъ диктаторомъ ѣдетъ,
Нагайки побѣдно свистятъ...
Тутъ выйдетъ къ тебѣ, шефъ жандармовъ,
Изъ гроба твой вѣрный солдатъ!

Кванъ.

Графъ Витте и Свобода

(На мотивъ «Амуръ и Мудрость» Жуковского)

Свобода съ облаковъ на землю опустилась,
Но на Руси она худой пріемъ нашла.
Въ раздумьи у рѣки она остановилась —
Погода бурная была.
У берега челнокъ, а въ челнокѣ графъ Витте...
Не знаетъ, плыть или нѣтъ? А онъ ее манитъ!
Рѣшилась! Поплыли... И графъ ее сердито
Въ потокахъ крови утопилъ.

Не-Жуковский.

Къ дѣлу Шабельской.

Одинъ изъ свидѣтелей. Ахъ, г. председатель, г-жа Шабельская, сорвавъ съ меня деньги, не устроила въ казну мой спиртъ...

Предсѣдатель. (укоризненно, Шабельской) Ай-ай-ай!...

Шабельская. (возмущенно, но и элегически-грустно) Прошу г. предсѣдателя не забывать, что я была «товарищемъ» товарища министра, а не супругой министра финансовъ.

Гуманность.

Безсмысленны звѣрства,—твердила печать:
Зачѣмъ заставлятъ бесполезно страдать?
Оружіе нужно такое,
Чтобъ вывести только изъ строя,
Чтобъ, пулей пронизанный, могъ человѣкъ,
Отвѣдавъ больницы покоя,
Библией прожить послѣ этого вѣка...
И вотъ—пулеметная рота
Людей обращаетъ въ рѣшета.
Безсмысленны звѣрства,—рѣшаетъ конгрессъ,
Собравшись подъ сѣнью фламандскихъ небесъ.
Съ удушливимъ ядомъ снаряда
Для гибели ближнихъ не надо!
И послѣ конгресса явился лидитъ.
Волной смертоносного яда
Сметалъ славныхъ буровъ гуманнѣйшій
Бриттъ.

Союзникъ же гордаго бритта
Слалъ русскимъ гостиницы лидита.
Безсмысленны звѣрства! Но если народъ,
Рассторгнувшій узы, знамена несетъ
И пѣсни поетъ о свободѣ,—
Такой безпорядокъ въ народѣ
Терпимъ ли? Патроновъ не должно жалѣть!
Какъ смѣетъ народъ веселиться и пѣть,
Когда бюрократія плачетъ,—
Пускай его залпъ озадачитъ!
Когда-жъ черносотенцы тучей текутъ,
Дубины, ножи и оглобли несутъ,
Да кстати портреты и флаги!
То слава подбѣгой отваги!
На звѣрства способенъ ли этотъ народъ?
Немножко прибѣтъ, кое-что разнесетъ...
Пускай погуляетъ немного,
Нельзя же судить его строго!
Слугъ вѣрныхъ такъ мало осталось теперь,—
Такъ что-жъ что потѣшится преданный звѣръ.
Безсмысленны звѣрства! Гуманнѣйшій вѣкъ!
Купается въ теплой крови человѣкъ.

Забрало.

Сны маленькаго Вани.

Повсюду стонъ... Вездѣ проклятыя...
Земля отъ ужаса дрожитъ...
Смѣется смерть, раскрывъ объятья...
А кровь бѣжитъ... бѣжитъ... бѣжитъ...
Гдѣ струйкой нѣжной, гдѣ потокомъ,
А гдѣ широкою волной...

— „Кровь, милый, видѣтъ ненаокомъ...
Къ свиданью съ близкою родней.“

Плетутся дроги... Вереница...
Чу! Погребельный слышенъ звонъ...
Идутъ невѣдомыя лица...
Гробы... гробы со всѣхъ сторонъ...
Въ нихъ мертвецы! Мнѣ страшно, няня!
Опять тѣла! Имъ нѣтъ конца!

— „Христосъ съ тобою, милый Ваня:
Къ погодѣ видѣтъ мертвеца!“

В. Т—овъ.

Разница.

В. Какая разница между кабинетомъ...
удиненія и кабинетомъ министровъ?
О. Въ первомъ сидитъ тотъ, кому нужно;
во второмъ—тотъ, кому не нужно.

Правительственное сообщеніе.

Нѣтъ аграрнаго движенія
Въ войскѣ не было броженія;
Всюду миръ и тишина;
Всѣмъ амнистія дана;
Дума скоро соберется;
Беззащитныхъ кровь не лется;
Сытъ измученный народъ,
И не страшень недородъ;
Нѣту болѣе цензуры,
И не булетъ диктатуры,
Графъ Игнатѣвъ далеко;
Рента наша высоко;
Нѣтъ погромовъ, нѣту драки;
Не безчинствуютъ казаки;
Флотъ спокоенъ и могучъ;
Всѣмъ блеснулъ свободный лучъ;
Красный цвѣтъ уже не въ модѣ;
Забастовокъ нѣтъ въ народѣ;
Всюду слезы оттого,
Что уходитъ Дурново;
Нѣту обысковъ, арестовъ,
«На бумагахъ» манифестовъ;
Всюду миръ и тишина
И свобода всѣмъ дана.

Въ наши дни.

(Изъ кошмаровъ жизни.)

Люди-ли это, или тѣни
Всюду стоятъ предо мной?
Слышатся жалобы, пени,
Стоны тревоги больной.
Тянутся блѣдныя руки
Къ свѣту изъ мрака ночей;
Полны страдальческой муки
Взгляды молящихъ очей;
Впалыя, чахлыя груди;
Голодь, болѣзнь и нужда...
Люди, вѣдь, это все, люди
Тяжкой борьбы и труда!...
Вижу толпы за толпами,—
Праздникъ на улицѣ ихъ;
Стройнымъ идутъ рядами;
Хоръ голосовъ молодыхъ...
Солнце лучи съ небосклона
Щедро и властно даритъ;
Красныя рѣютъ знамена,
Пѣсь возрожденія звучатъ...
Нѣтъ ихъ счастливей на свѣтѣ:
Идутъ—толпа за толпой...
Дѣти вѣдь это все, дѣти
Нашей Свободы родной...

Нѣтъ и конца ликованья,—
Вспомнить ли кто про нужду!
Всѣ ихъ сбылись упованья...
Слава—борьбѣ и труду...
Что-жъ это?.. Залпъ раздается!
Грозно сверкаютъ штыки;
Кровь, кровь на улицѣ лется
Давятъ народъ казаки...
Крики и стонъ, и проклятыя;
Залпы—вблизи и вдали...
Стойте!.. Вѣдь это-жъ все братья,
Дѣти все Русской Земли!..

Тѣни, кровавыя тѣни,
Идутъ сплошною стѣной,
Трона шатаютъ ступени;
Слышится кличъ боевой...
Дерзкія руки подымаютъ,
Грозныя рѣчи звучатъ;
Въ страхѣ дворцы и палаты.
Трусы-тираны дрожатъ...

Хоть и плачутъ себя вдовцами, а рукоблудники
Но все-жъ не зарекаются на нему народный тропъ...

«Къ намъ безошадны мы бу-
демъ!» —
Окликъ несется туда:
«Прочь вы!.. Дорогу—всѣмъ лю-
дямъ
Правды, борьбы и труда!»
Николай Варенцовъ.

ХРОНИКА

По распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ Дурново всѣмъ добровольцамъ, работавшимъ на поч-
тѣ, будутъ выданы особые дипломы, отпечатанные
на старыхъ штемпельныхъ конвертахъ—съ над-
писью—«спасителю отечества отъ Дурново». Ди-
пломы эти будутъ давать пожизненное право пося-
щенія 3 коп. бань, для чего предполагается вы-
строить нѣсколько казенныхъ бань и для предва-
рительныхъ «изысканій» уже отпущено пока толь-
ко 100000 руб.

Изъ достоверныхъ источниковъ намъ сообщаютъ,
что Е. А. Шабельская снова рѣшила заняться автре-
призой, для чего уже заарендовала одинъ изъ лѣ-
сныхъ увеселительныхъ садовъ. Старшимъ распоря-
дителемъ будетъ В. И. Ковалевскій. Завѣдывать
отдѣльными кабинетами приглашенъ полковникъ
Вережкинъ, нынѣ завѣдывающій отдѣльными казе-
матами въ Петропавловской крѣпости, какъ опыт-
ный специалистъ по сохраненію всякаго рода тайнъ.

Вновь назначенный редакторъ «Правительствен-
наго Вѣстника», членъ совѣта главнаго управленія
по дѣламъ печати ст. совѣта С. С. Татищевъ, зна-
комый 30 годовъ со своими сослуживцами, въ своей
рѣчи, между прочимъ, заявилъ—что изъ этого поч-
теннаго органа онъ рѣшилъ «дѣлать литературно-

политическую газету, а потому въ первыхъ же №№
будутъ помещены воспоминанія г. Татищева, о томъ
какъ въ бытность его секретаремъ посольства въ
Вѣнѣ, таинственно пропали 32000 руб. посольскихъ
денегъ и затѣмъ цѣлый рядъ воспоминаній о дѣ-
тельности его въ Лондонѣ, какъ «финансоваго»
агента министерства финансовъ. Газета обѣщаетъ
быть интересной.

Репертуаръ.

АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТРЪ.

- 1) «Отъ преступленья къ преступленью».
Драма Владимірова.
- 2) «Сама себя раба бьетъ, коли не чисто
жнеть». Вод. Николасва.

НАРОДНЫЙ ДОМЪ.

«Летучій Потемкинъ» — большая опера съ
процессіями матросовъ, сраженіями и т. д.
Муз. Алексѣя Александрова.

МИХАЙЛОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

«On ne badine pas avec... la flotte!»
Comedie nouv. par M-me Balleta.

ТЕАТРЪ ЯВОРСКОЙ.

Полнымъ ансамблемъ еврейской труппы:
«Русская р. волюція».

ЗАЛЬ ПАВЛОВОЙ.

Великосвѣтскими любителями пред-
ставлена будетъ мелодрама:
«Ограбленная почта».

Къ читателямъ.

- 1) Редакция намѣрена откликаться на всѣ
выдающіяся явленія текущей жизни и на
страницахъ журнала отиѣчать перомъ и
карандашомъ всѣ тѣ факты общественной
жизни, которые такъ или иначе могутъ
явиться «знаменіемъ времени».
- 2) Редакция приглашаетъ читателей со-
общать подобные факты, не стѣняясь фор-
мой изложенія. Всякое сообщеніе, содержа-
щее общественный интересъ, будетъ при-
нято съ признательностью и использовано.
- 3) Могутъ быть прилагаемы фотографі-
ческіе портреты, которые, по минованіи на-
добности, будутъ возвращены доставив-
шему.
- 4) Корреспонденція должна быть адресо-
вана на имя редактора-издателя.

Къ свѣдѣнію авторовъ

- 1) Рисунки и карикатуры желательны не въ
законченномъ видѣ, а въ «эскизѣ», для «совмѣст-
наго обсужденія» ихъ съ редакціей, которая со сво-
ей стороны можетъ предложить свои т. м.
- 2) Лучшее исполненіе предложенной темы ре-
дакціей, будетъ преміровано.
- 3) Рукописи должны быть, помимо псевдонимовъ,
снабжены фамиліей и адресомъ автора.
- 4) Для личныхъ переговоровъ и обсужденій
темъ, редакторъ принимаетъ по Понедѣльникамъ
и Средамъ отъ 6 до 8 ч. веч. въ помѣщеніи
редакціи (Пескій 1-й).

Редакторъ-Издатель Г. П. ЭРАСТОВЪ.

Типографія Т-ва «НАРОДНАЯ ПОЛЬЗА», СПБ., Коломенская ул., соб. д., № 39.